

© 2011 г.

М.В. МАЙОРОВ

РОССИЯ И ЕВРОПА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Европа переживает не лучший период в своей истории. Бывший советник по национальной безопасности в администрации президента США Дж. Картера (1977–1981 гг.) З. Бжезинский, который продолжает оказывать значительное влияние на формирование американской внешней политики, не так давно заявил в интервью польскому еженедельнику “Политика”, что человечество находится “в начале какой-то новой эры”, поскольку “подходит конец продолжавшегося в течение 500–600 лет доминирования Запада в мире”. Он пессимистично оценил будущее Европы, отметив, что, несмотря на большие достижения в деле объединения континента, “следующие 5–10 лет будут, скорее, временем дезинтеграции”¹. Вряд ли известный американский политолог оплакивал несостоявшееся превращение Европы в независимый мировой полюс, однако налицо его беспокойство по поводу возможного ослабления Европы в качестве “приводного ремня” созданного и руководимого США Североатлантического альянса, призванного утверждать в первую очередь американскую гегемонию.

Европа ищет свою новую идентичность и, потеряв после Второй мировой войны статус центра мировой политики, никак не может обрести достаточно весомого голоса при разрешении важнейших вопросов международной жизни. Дело не только в том, что европейские политики, привыкшие за годы “холодной войны” к комфортной жизни под американским покровительством, сталкиваются с вызревшими вызовами – кризисом чисто капиталистической модели развития, новым усилением националистических настроений, этническими и религиозными сдвигами внутри самой Европы. Немаловажное значение имеет и то, что на европейской политике тяжелым грузом лежит отпечаток прошлых политических раскладов и исторических пристрастий.

Попытки исключить Россию, ослабленную после распада СССР, из числа активных европейских игроков и соорудить вдоль ее западных и южных границ новый “санитарный кордон” не принесли Европе ни успокоения, ни уверенности в своем безконфликтном развитии. Клубок отмеченных кровью противоречий между частями бывшей Югославии, рост сепаратистских движений после признания независимости Косово, затронувший даже, казалось, благополучную Бельгию, нежелание влиятельных европейских стран умерить разыгравшиеся аппетиты “новых европейцев” на Кавказе, приведшие к трагическим событиям в августе 2008 г., способны серьезно дестабилизировать обстановку в Европе. Нельзя исключать также, что по мере уменьшения степени вовлеченности США в европейские дела (а это рано или поздно произойдет) дремлющие амбиции некоторых европейских держав и исторические инстинкты малых стран могут расшатать с трудом построенный Европейский союз.

Пока, судя по всему, западноевропейских политиков вполне устраивает сложившееся статус-кво. Их извечная головная боль – Россия – в ее нынешнем состоянии не

Майоров Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный посол.

¹ Polityka, 26.VI.2010, № 26, s. 26–27.

доставляет лишних неудобств за исключением, может быть, ежегодных волнений по поводу перебоев с поставками российского газа. Отсюда и прохладное, граничащее с высокомерием отношение к выдвинутой президентом России Д.А. Медведевым в июне 2008 г. идее заключения Договора о евроатлантической безопасности, напоминающее вялую реакцию западноевропейских руководителей на концепцию последнего советского лидера М.С. Горбачева о “европейском общем доме”. Между тем в складывающихся условиях инициатива Д.А. Медведева своего рода тест на способность европейцев переступить через исторические предрассудки и самостоятельно определять свое будущее без оглядки на США. Прав министр иностранных дел России С.В. Лавров, когда говорит, что “противодействие созданию общерегиональной системы безопасности будет возвращать европейскую политику в прошлое”. По его мнению, вопрос стоит так – либо Европа идет вперед, нагоняя время, потерянное после окончания “холодной войны”, либо ситуация продолжит деградировать, поскольку ее сохранение в нынешнем виде “будет работать как минимум на воспроизводство недоверия”².

История является не столько учителем, сколько воспитателем, ибо ее функция заключается не в том, чтобы служить руководством к действию, а в том, чтобы прививать умение распознавать в прошлом и сопоставлять с настоящим явления и события, проливающие свет на природу многих современных процессов. То, что происходит сегодня в Европе, – весьма показательное тому свидетельство.

УШЛА ЛИ В ПРОШЛОЕ СИСТЕМА РАВНОВЕСИЯ СИЛ?

Выстрадавшая Европой и ставшая после Вестфальского мира 1648 г. постоянной величиной в международных отношениях система равновесия сил базировалась на осознанном понимании того, что возникшие к тому времени примерно равные по силе государства не должны были допустить возвышения отдельных стран над всеми остальными. Такая система не могла предотвратить кризисов и войн, но ее наличие сужало масштабы столкновений и возможности одних навязывать свою волю и превосходство другим. Серьезные сбои в системе равновесия сил в Европе приводили к крупным катаклизмам на континенте и, более того, к всемирным катастрофам.

Несмотря на то, что у родоначальников европейского равновесия имеются конкретные имена (называют и Н. Макиавелли, и кардинала Ришелье), возникновение этого фактора в международных отношениях не стало результатом прозрения тогдашних политиков и дипломатов. Оно явилось следствием исторического развития, в ходе которого правители зарождавшихся национальных государств начали активно противодействовать угрозе собственной власти и самостоятельности со стороны крупных европейских династий. Сначала это была борьба Франции против попыток испанских и австрийских Габсбургов воссоздать в Европе “христианскую империю”; затем пришла очередь уже антифранцузского Великого альянса во главе с Англией сдерживать почти четверть века (1688–1713 гг.) претензии французского короля Людовика XIV на роль “всемирного монарха”. Бесчисленные войны XVIII в. при всей их кажущейся анархии и захватнических проявлениях уже несли в себе идею выгоды принципа равновесия сил для независимого развития европейских держав. Завоевательная энергия Англии, Голландии, Испании, Франции в значительной степени выплескивалась в обострившейся борьбе между ними за расширение и упрочение колониальных владений. В духе времени выглядели и надежды ведущих держав удовлетворить европейские амбиции возвысившегося короля Швеции Карла XII за счет их распространения на “темную и холопскую” Московию.

Победа русских над шведами под Полтавой в 1709 г. внесла новый, ставший впоследствии незаменимым, элемент в европейскую безопасность. Ценой насильственных реформ Петра I, сопровождавшихся невиданным рывком вперед, Россия заставила

² Lavrov S. L’Euro-Atlantique: une sécurité égale pour tous. – Revue Défense Nationale, Mai 2010, № 5.

Европу считать с ее интересами и включить ее в число стран, определявших европейское равновесие. Россия начала активно играть на противоречиях между европейскими державами, и в середине 60-х годов XVIII в. ее дипломатия во главе с Н.И. Паниным выступила со своей первой значительной инициативой, выдвинув проект создания “Северной системы”. Задуманная как коалиция европейских государств против Франции и союзной с ней Австрии, эта система была призвана “мимо бурбонского и австрийского домов составить твердое в европейских делах равновесие, а тишину северную и совсем освободить от их инфлюенции”³. Однако важнейшая роль России в сохранении равновесия сил в Европе определилась во времена нашествия Наполеона, когда благодаря победам русского оружия в 1812 г. были сорваны его планы по унификации Европы под французским господством. Именно наполеоновские войны побудили европейские державы к сознательной разработке международного порядка, основанного на принципах равновесия сил, – порядка, поддержание которого к тому времени не мыслилось без участия России.

Венский конгресс 1815 г. и создание Священного союза на базе Австрии, Пруссии и России, хотя и были пронизаны стремлением европейских монархий выработать некий механизм для коллективных действий против любых революционных выступлений, превратили равновесие сил в одно из фундаментальных правил регулирования международных отношений. Почти 40 лет Европа не знала ни единой войны с участием великих держав: Франция не чувствовала себя чересчур обиженной; империя Габсбургов в Австрии была спасена; созданный конгрессом Германский союз предотвращал объединение Германии на национальной основе и предупреждал новые агрессивные поползновения французов; России же отводилась роль “жандарма Европы” для охраны консервативного единства от внутренних потрясений на континенте.

Однако, придав европейскому равновесию относительно устойчивый характер, западноевропейская дипломатия в конце концов сама его и разрушила. Причина – в укреплении влияния России в Европе, прежде всего на Балканах, правители Австрии, Англии и Франции увидели потенциальную угрозу своим интересам. В противовес “русскому медведю” было решено использовать Турцию, чье историческое противостояние с Россией значительно перевешивало отношение европейцев к Турции как чужеродному телу на континенте. Министр иностранных дел Великобритании Р. Каслри, представлявший свою страну на Венском конгрессе, недвусмысленно заявлял: “Сколь бы варварской ни была Турция, она в системе Европы составляет необходимое зло”⁴. Воспользовавшись недалековидностью Николая I, Англия и Франция спровоцировали Крымскую войну 1853–1856 гг., положив начало развалу с трудом выкованного в Вене порядка в Европе, державшегося на принципе равновесия сил.

Поражение России в Крымской войне во многом убрало из европейской дипломатии остатки моральной умеренности и сдержанности, возродив прежнее соперничество между западно-европейскими державами. Складывался новый европейский порядок, где на первое место выдвигался принцип прусского канцлера О. Бисмарка “realpolitik”, определявший отношения между государствами грубой силой и преобладанием тех, кто могущественней. После франко-прусской войны 1870–1871 гг., окончательно окрасившей европейскую политику в конфронтационные тона, в Европе появился мощный и безжалостный претендент на гегемонию – Германская империя, которая считала себя уже не наковальной, а молотом европейской кузницы. Глава российской дипломатии А.М. Горчаков еще до создания Германской империи предупреждал Александра II, что завершение территориального объединения Германии под эгидой Пруссии будет означать “серьезное нарушение политического равновесия в Европе”⁵. Однако правители ни России, ни других европейских государств не сумели рассмотреть в начатой Германией политике по превращению равновесия сил в гонку вооружений угрозу собствен-

³ Российская дипломатия в портретах. М., 1992, с. 76.

⁴ Цит. по: Международные отношения на Балканах 1815–1830 гг. М., 1983, с. 30.

⁵ Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998, с. 323.

ной безопасности и европейской цивилизации в целом. Россия увлеклась участием в различных враждебных друг другу коалициях и, утратив после русско-японской войны 1904–1905 гг. право на решающий голос в европейских делах, включилась в предвоенную схватку великих держав на стороне Англии и Франции.

Первая мировая война ничему не научила европейских политиков. Они даже не воспользовались опытом Венского конгресса, который не только не стал кардинально менять систему равновесия сил в Европе, но и попытался положить ее в основу правил поведения на континенте. Построенный по результатам Парижской мирной конференции 1919 г. порядок лишил Европу шансов на длительное мирное развитие: он породил лишь жажду реванша у Германии; исключил Советскую Россию из числа составных частей европейского баланса; обострил национальные проблемы многих европейских народов. Свою лепту в дезорганизацию Европы внесли и Соединенные Штаты, которые после войны стали играть все более заметную роль в европейской политике. На конференции в Париже американский президент В. Вильсон отверг “realpolitik”, а заодно и концепцию равновесия сил как аморальные, введя новые критерии международного порядка – демократию, коллективную безопасность и самоопределение. Еще не избавившиеся от комплекса вины за вселенскую катастрофу европейские государственные деятели пошли на создание Лиги наций, проигнорировав при этом главный смысл коллективной безопасности – предотвращение войны и коллективное сопротивление агрессии. На порочность принесшего бесчисленные беды отказа тогдашних европейских руководителей от исходных положений политики равновесия сил указал, что примечательно, бывший госсекретарь США Г. Киссинджер, по мнению которого в Европе “должны были понять, что всеобщая доктрина коллективной безопасности не сработает... пока не охватит три сильнейшие нации мира: Соединенные Штаты (отказались вступить в Лигу наций), Германию и Советский Союз”⁶.

Зато Германия, лишившаяся после войны силового компонента своей внешней политики, умело использовала прежние расклады европейского равновесия, сыграв на историческом недоверии в отношениях между Лондоном и Парижем, а также на извечной тяге Англии к ставке на немецкое государство в качестве противовеса России и Франции. Германская дипломатия во главе с Г. Штресеманом (1923–1929 гг.) пошла на развитие отношений с СССР, начало которым было положено Рапалльским договором 1922 г., что заставило занервничать Англию и Францию, ослабить их давление на Германию. В 1925 г. в Локарно состоялась конференция министров иностранных дел Бельгии, Великобритании, Германии, Италии и Франции, а также Польши и Чехословакии, на которой Германия не без помощи Англии (и США) сделала первый шаг на пути ревизии Версальского мирного договора и фактически добилась “равноправия” среди европейских держав в ущерб Франции. Принятые в Локарно решения расчищали для Германии дорогу в Восточную Европу, и если бы она удовлетворилась этим “подарком”, то наверняка заслужила бы дальнейшее расположение Запада. Однако пришедший к власти Гитлер презирал дипломатию Штресемана и мыслил категориями унификации Европы под германским господством. Завороженные антикоммунизмом Гитлера и уповая на принадлежность Германии к западной цивилизации, европейские политики оказались неспособными просчитать губительные последствия для европейского равновесия и, как оказалось, для мира в целом безудержного роста германской военной мощи. Вместо организации совместного отпора все более агрессивной гитлеровской Германии, требовавшего, исходя из истории Европы, активного привлечения России, близорукая западноевропейская дипломатия не сумела превозмочь прежние фобии и избрала в отношении бывшего противника политику умиротворения.

Капитуляция руководителей Англии и Франции перед Гитлером в Мюнхене в сентябре 1938 г. до основания разбалансировала Европу, оставив СССР практически один на один с нацистской Германией. Пойдя на заключение советско-германского договора о ненападении в августе 1939 г., И.В. Сталин продемонстрировал Западу, что ему не

⁶ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997, с. 223.

чужды привычные для западноевропейской дипломатии методы кардинала Ришелье и “realpolitik” Бисмарка. Сталин на время уравнивал положение СССР в предвоенной Европе, не сумев, однако, до конца разгадать замыслы Гитлера и верно оценить степень продолжительности отсрочки неизбежной войны с Германией. Разгром Франции в мае 1940 г. для одних означал конец иллюзий относительно использования гитлеровской Германии в качестве “наконечника” в борьбе с “большевистской заразой”; для других – крушение надежд на взаимное истощение западноевропейских держав в межимпериалистической борьбе. Суровая реальность остро поставила вопрос о необходимости объединения усилий для противодействия общему врагу, что после нападения на СССР получило конкретное воплощение в создании антигитлеровской коалиции.

Произошел поворот во внешней политике США, правящие круги которых во главе с президентом Ф. Рузвельтом осознали (хотя публично это не признавалось), что то самое равновесие сил в Европе, отвергавшееся ими с негодованием, как раз и обеспечивало безопасность Америки. Нарушение европейского равновесия, сопровождавшееся стремлением гитлеровской Германии к мировому господству, поставило под угрозу все расширявшиеся интересы США и, в конце концов, вынудило американцев помимо усиленного противодействия Японии вмешаться в европейские дела. При Рузвельте в американской дипломатии появилась новая, отличная от взглядов Вильсона, школа во внешней политике – сторонников “баланса сил”, или “реалистов”, для них оценка мощи держав и соотношения сил между ними имели большее значение, чем их внутривнутриполитическое устройство. Логичным поэтому стали активные усилия США наряду с СССР по созданию Организации Объединенных Наций, которая была призвана в отличие от Лиги наций в наибольшей степени учитывать сложившийся после 1945 г. расклад сил и интересы широкого круга государств.

Позиции “реалистов” усилились с началом “холодной войны”, когда США зачислили себя в разряд главных гарантов равновесия сил не только в Европе, но и во всем мире. Перед лицом возросшего могущества и влияния Советского Союза императивом американской внешней политики стало сдерживание советской мощи. Один из инициаторов доктрины сдерживания, видный американский дипломат Дж. Кеннан, писал в известной “длинной телеграмме” из Москвы в феврале 1946 г., что противодействие СССР будет зависеть “от степени сплоченности, решительности и энергии” западного мира. Он подчеркивал, что, поскольку многие политики в Европе “слишком устали и напуганы опытом прошлого” и не готовы нести ответственность, Соединенные Штаты обязаны взять на себя руководство европейскими делами, “не дожидаясь вмешательства русских”⁷. Особую опасность для своих интересов американцы видели в расширении сферы влияния СССР за пределами Восточной Европы, прежде всего за счет поверженной Германии (отсюда и та поспешность, с которой в 1949 г. была создана Федеративная Республика Германия посредством слияния американской, британской и французской оккупационных зон). По существу доктрина сдерживания исходила из сложившегося после Второй мировой войны расклада сил, была нацелена среди прочего на возрождение европейского равновесия. Правда, отличительной чертой этой доктрины стало проведение “политики с позиции силы”, не в последнюю очередь продиктованной исключительным обладанием США ядерной бомбой.

Следствием такой политики явилось создание в апреле 1949 г. по инициативе США Организации Североатлантического Договора (НАТО), антисоветская направленность которой была видна невооруженным взглядом. В ответ советское руководство всемерно укрепляло пояс безопасности в Восточной Европе, устанавливая в странах региона советские порядки. Но главным успехом СССР стало создание в 1949 г. собственного ядерного оружия, что заметно остудило горячие головы в западных столицах и на долгие годы определило взаимосдержанный характер международных отношений. Достижение Советским Союзом ядерного паритета с США не только укрепило систему европейского

⁷ Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002, с. 469–471.

равновесия, но и распространило ее на всю мировую политику, позволив, в частности, национально-освободительным движениям в “третьем мире” покончить с колониальным господством. Отторгнув последовавшие после смерти Сталина мирные инициативы нового советского руководства, в том числе предложение о заключении общеевропейского договора о коллективной безопасности в Европе, страны НАТО лишь укрепили антизападные тенденции во внешней политике СССР. В мае 1955 г. в противовес НАТО была создана Организация Варшавского Договора (ОВД), что подвело черту под процессом формирования блокового противостояния в Европе. Тем не менее дверь к коллективной безопасности оставалась приоткрытой: в уставе ОВД говорилось, что “в случае создания в Европе системы коллективной безопасности... настоящий договор утрачивает свою силу со дня вступления в действие общеевропейского договора”⁸.

Несмотря на жестокие правила игры, диктовавшиеся разделенным миром, и периодически возникавшие кризисные ситуации, международные отношения в целом развивались по предсказуемому сценарию. В выгодном положении оказалась Западная Европа: советско-американское соперничество давало возможность забыть до 90-х годов минувшего столетия “прелести” военных действий на континенте, снять с себя ответственность за вопросы войны и мира, не слишком беспокоиться по поводу эвентуальной “немецкой угрозы” в связи с наличием двух различных германских государств. Равновесие, установившееся в Европе и в остальном мире благодаря ядерному паритету, позволило ведущим мировым державам вступить в переговоры о постепенном сокращении ядерных арсеналов, породило период “разрядки” в советско-американских отношениях, привело к созыву в Хельсинки в 1975 г. Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Возглавляемая А.А. Громыко советская дипломатия достаточно умело определяла внешнюю политику СССР, исходя из сложившихся реалий и руководствуясь здравым смыслом. В США прочные позиции занимали приверженцы “баланса сил”, которые не слишком увлекались вопросами внутренней политики Советского Союза и Китая. Президент США Р. Никсон, пойдя в 1972 г. на развитие отношений с Пекином, заявил китайскому лидеру Мао Цзэдуну: “Важна не внутривнутриполитическая философия, которой руководствуется то или иное государство. Важно, какую оно проводит политику в отношении остального мира и в отношении нас”⁹.

По мере нарастания внутренних проблем в СССР, сопровождавшегося ослаблением наших позиций в странах социалистического лагеря, в американской внешней политике набирали силу поборники взглядов Вильсона, которые, как и он, исходили из тезиса об американской исключительности и считали, что лучшим способом обеспечения безопасности Америки является не защита США от внешнего мира, а фундаментальное изменение самого этого мира. Ярким выразителем такой линии стал президент Р. Рейган, который был убежден, что смена режима в СССР будет служить интересам национальной безопасности США. После распада Советского Союза представители вильсоновской школы прочно обосновались у руля американской дипломатии, вытеснив сторонников поддержания баланса сил. В подготовленном в 1994 г. концептуальном документе администрации президента Б. Клинтона говорилось, что безопасность США должна основываться “на расширении круга демократических стран с рыночной экономикой при одновременном сдерживании и противодействии целому ряду угроз нашим союзникам и нашим интересам”. При этом подчеркивалось, что безопасность и процветание Америки напрямую связано с упрочением демократии и углублением процессов “политической и экономической либерализации в мире, особенно в странах, представляющих геостратегическое значение для США”¹⁰. В условиях очевидной асимметрии

⁸ Организация Варшавского Договора. Документы и материалы. 1955–1985. М., 1986, с. 9–13.

⁹ Цит. по: *Голдгейер Дж., Макфол М.* Цель и средства. Политика США в отношении России после “холодной войны”. М., 2009, с. 16.

¹⁰ A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. Washington (D.C.), White House, July 1994.

соотношения сил между США и Россией принятие данного документа отражало настрой американского руководства на агрессивное мессианство и проведение односторонних акций на международной арене без особой оглядки на реакцию России.

Уповая на могущество единственной сверхдержавы, пришедшие к рулю внешней политики США “неоконсерваторы” испытывали большое искушение переделать мир по американскому образу и подобию. Гегемонистские устремления нашли свое отражение в стремлении к размыванию основ ООН как “пережитка” эпохи равновесия сил, что особенно отчетливо проявилось в ходе операции НАТО в бывшей Югославии. Обозначилась тенденция по превращению Североатлантического альянса в мини-ООН и претензии на придание “большой семерке” (Великобритания, Германия, Италия, Канада, США, Франция, Япония) функций центра мировой политики с американской повесткой дня. В то же время США, опираясь на полную поддержку Великобритании держали под контролем атлантическую ориентацию своих союзников в Европе, стремились поставить в тесную взаимосвязь процессы укрепления НАТО и европейской интеграции, не допустить излишней самостоятельности укреплявшегося Евросоюза за счет его “разрыхления” проамерикански настроенными странами Центральной и Восточной Европы, ограничить деятельность ЕС лишь торгово-экономическими амбициями.

Задача США по продвижению планов мирового господства облегчалась тем, что с исчезновением противовеса в лице СССР было нарушено равновесие в самой Европе, что увеличило число желающих прикрыться “американским зонтиком”. Вышедшая из-под обломков СССР Россия в силу своей слабости и отсутствия внутреннего консолидированного подхода к содержанию внешней политики потеряла статус необходимого элемента равновесия на континенте, вынуждена была перейти на оборонительные позиции. Уход в прошлое “советской угрозы” сказался также на отношении лидеров западноевропейских стран к Турции: перестали в ней видеть силу, способную оказывать серьезное влияние на положение дел на Балканах. В начале своего президентства нынешний руководитель Франции Н. Саркози, явно под воздействием мусульманской принадлежности Турции, утверждал, что вхождение этой страны в Евросоюз “похоронит идею ЕС как мировой силы” и нанесет “роковой удар по самой идее европейского самосознания”¹¹. Похоже, что до последнего времени европейцев мало волновал вопрос о способности быстро превращающейся в региональную державу евро-азиатской Турции существенно усилить международный голос Европы и внести вклад в стабилизацию внутри нее исламского фактора (оставим за скобками вопрос о влиянии европейско-турецких отношений на светский характер правления в Турции).

Начатая в 2003 г. США военная авантюра в Ираке нанесла чувствительный удар по замыслам их глобального господства, посеяла в Европе опасения относительно перспектив ее безмятежного существования в однополярном мире и заставила отвыкшую от собственной ответственности континентальную элиту задуматься о месте европейской политики в меняющейся конфигурации мирового расклада сил. Разразившийся в 2008 г. финансовый и экономический кризис еще больше приблизил европейских политиков к мнению о необходимости приспособливаться к новым реалиям. Смена власти в США повлекла отказ от прямолинейной и нахрапистой политики Дж. Буша-младшего, вновь вывела на авансцену американской дипломатии сторонников “баланса сил”, в частности Г. Киссинджера, являвшегося ближайшим советником Р. Никсона. Было объявлено о “перезагрузке” отношений с Россией, призванной продемонстрировать отказ от пренебрежительного отношения к бывшему основному противнику. Но главным стало очевидное согласие американцев разделить со стремительно растущим Китаем “ответственность за глобальное лидерство”. Вместе с тем в ходе пребывания президента США Б. Обамы в Пекине в ноябре 2009 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао выразил несогласие с идеей “большой двойки” заявив, что Китай “проводит независимую политику и не намерен вступать в союз с другой страной или с группой стран”¹².

¹¹ Саркози Н. Мое мнение. Франция, Европа и мир в XXI веке. СПб., 2009, с. 275.

¹² Жэньминь жибао он-лайн (русск.яз.), 19.XI.2009.

Однако о серьезном кризисе трансатлантической солидарности говорить все же не приходится, хотя прежние лидеры Германии и Франции – Г. Шрёдер и Ж. Ширак – открыто выступили против американской оккупации Ирака. Вполне резонным выглядит мнение бывшего министра иностранных дел России академика Е.М. Примакова, когда он указывает на бесплодность игры на противопоставление Западной Европы Соединенным Штатам. Западноевропейцы и американцы тесно связаны между собой исторически (европейцы заселили континент, потеснив коренное население) и цивилизационно (культурная близость и религиозная идентичность); их отношения скреплены участием США во Второй мировой войне, а также американским ядерным прикрытием в годы “холодной войны”¹³. Разумеется, в Западной Европе отдают себе отчет, что в новой архитектуре мирового порядка прежние проявления чрезмерной подчиненности Соединенным Штатам будут негативно сказываться на амбициях Европейского союза превратиться в один из центров международной политики. Кроме того, как бы не хотели в Западной Европе отгородиться от России, ее окрепшее положение на континенте вынуждает считаться с ней и возвращаться к подзабытым понятиям о системе равновесия сил в Европе. Но, как говорится, в каждом минусе есть свои плюсы: демонстрация стремления к активизации отношений с Россией (оно исходит прежде всего от Германии и Франции) могла бы в немалой степени способствовать очищению Европы от образа вассала Соединенных Штатов.

Много вопросов вызывают другие, достаточно прозрачные причины впечатляющего поворота Западной Европы в сторону России, за унижениями которой в 90-х годах она не только с удовлетворением наблюдала, но и принимала “посильное” участие в них. Впечатляющие шаги западноевропейской дипломатии (углубление диалога по линии Берлин – Париж – Москва, благосклонные эскизы России по поводу инициативы о европейской безопасности, намеки на возможность членства России в НАТО) последовали после отказа Пекина от американского предложения “поделить надвое” глобальное лидерство. Это невольно наводит на мысль, что речь идет о планах по организации единого блока с целью уравновесить мощь несговорчивого Китая, в реализации которых России отводится не последняя роль. Следовало бы иметь в виду, что в Западной Европе перспективу подключения России к политике противодействия Китаю держали в уме довольно длительное время. Известно, что еще в начале 1959 г. французский президент Ш. де Голль рассуждал о неизбежности столкновения СССР с Китаем, что в его глазах должно было быть важным фактором сближения России с Западной Европой. О необходимости объединения усилий США и СССР против Китая говорил министр обороны США Н. Макэлрой в беседе с А.А. Громыко летом 1959 г.¹⁴ Отметим, что тогда советско-китайские отношения становились все более напряженными и в Москве сочли неуместными подобные “объединяющие” сентенции западных политиков.

Сейчас Россия на перепутье. В условиях падения ее способности успешно конкурировать с целым рядом быстро развивающихся стран российская дипломатия оказалась под прессом сложных проблем внутри России, тормозящих эффективное и устойчивое оздоровление. Стагнация отсталого положения возвращает комплекс неуверенности в собственных силах, порождает надежды на возможность прорыва вперед с помощью извне. Между тем нынешняя схема развития международных отношений свидетельствует, что в новой редакции системы равновесия сил в мире и, следовательно, в Европе не будет места, так же как в XIX и XX вв., для политического и экономического альтруизма. У России есть единственный шанс примкнуть к тем, кто старается заполнить “вакуум притяжения”, создающийся после 20-летней гегемонии США. Как бы это не звучало банальным, но речь идет о вызволении внутренних возможностей для построения современного развитого государства, способного вызывать уважение и доверие. Иначе Россия рискует прочно обосноваться среди тех, кто традиционно лишь приспособливает свою внешнюю политику к изменениям мирового баланса сил.

¹³ *Примаков Е.М.* Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М., 2009, с. 168.

¹⁴ *Громыко А.А.* Памятное, кн.1. М., 1988, с. 387.

ПОИСК ПУТЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Будущее Европы неразрывно связано с вопросом: смогут ли европейцы навести действительный порядок в собственном доме. Европа всегда несла в себе колоссальный заряд как созидательной, так и разрушительной энергии. С появлением и укреплением европейских национальных государств в XVII в. началось острое соперничество между ними за преобладание на континенте, жестокая борьба за новые территории и сферы влияния. Вестфальский мир, завершивший Тридцатилетнюю войну (1618–1648 гг.), способствовал развитию “европейской идеи”, толковавшей Европу как определенную общность с присущей ей спецификой и рассматривающей континент с точки зрения внутреннего единства. В XVIII в. наблюдался небывалый всплеск европейской политической мысли. До сих пор в рассуждениях политиков о европейской интеграции можно встретить ссылки на идеи видных мыслителей того времени – английского политического и общественного деятеля В. Пенна, французского дипломата и философа Ш.-И. Сен-Пьера, французского просветителя Ж.-Ж. Руссо, немецкого философа И. Канта. Практически все их трактаты и проекты содержали предложения о создании общеевропейского механизма, нацеленного на утверждение мира и его гарантий в рамках образования наднациональных органов.

Венский конгресс 1815 г. не только объединил усилия консервативных монархов в борьбе против революционных проявлений, но впервые в истории обозначил их стремление принять на себя общую миссию – согласовывать действия между собой в случае угрозы стабильности и безопасности в Европе. Попытались в Вене наметить и прообраз европейского правительства, коим были призваны стать периодические встречи, или конгрессы, министров иностранных дел для совместного рассмотрения положения дел в Европе. Однако надеждам на создание системы коллективной безопасности не суждено было сбыться по причине внутренних предубеждений и исторических пристрастий крупнейших игроков на европейской арене. Немаловажную роль в этом сыграла Англия, ставшая к тому времени ведущей промышленной державой и “владычицей морей”. Проводя с позиции силы политику “блестящей изоляции” и опасаясь объединенной Европы, английская дипломатия руководствовалась тем, что союзники являются либо вспомогательным, либо вовсе несуществующим фактором. Отвергая любые вариации на тему коллективной безопасности, министр иностранных дел Великобритании Дж. Каннинг (1822–1827 гг.) подчеркивал, что “из имеющейся у нас непосредственной связи с системой в Европе вовсе не вытекает, будто мы теперь призваны настырно вмешиваться по любому поводу в дела и заботы окружающих нас наций”¹⁵. Традиции англо-саксонской дипломатии проявятся столетием позднее, когда США дистанцируются от Лиги наций, создание которой, кстати, было предложено их же президентом.

Серьезным фактором, влиявшим на европейскую безопасность, стал последовавший за Венским конгрессом рост националистических настроений, который в ряде ведущих держав, особенно в Германии и Франции, приобрел отчетливый враждебный характер в отношении других стран и народов. Идеи общей Европы в устах политиков превратились в пропагандистский инструмент, использовавшийся во вполне определенных политических целях. Еще Наполеон, находясь в изгнании на острове Святой Елены, оправдывал свои поступки громкими словами о “большой европейской семье”. Александр I, окрыленный победой русского народа в Отечественной войне 1812 г., стремился переместить Россию на центральное место в европейской политике и хотел “сгруппировать все державы Европы в общую лигу”. Накануне франко-прусской войны 1870–1871 гг. французский император Наполеон III говорил о “союзе государств Европы”, употребив при этом даже слова “Соединенные Штаты Европы”¹⁶. Появление в

¹⁵ Цит. по: *Киссинджер Г.* Указ. соч., с. 82.

¹⁶ Подобные высказывания европейских правителей уместно использовал академик А.О. Чубарьян в исследовании вопроса о зарождении лозунга “Соединенные Штаты Европы”: *Чубарьян А.О.* Российский европеизм. М., 2006, с. 189.

Центральной Европе сильной объединенной Германией, презиравшей венскую систему и руководствовавшейся исключительно принципами “realpolitik”, а также превращение “европейского концерта” в собрание держав, видевших друг в друге не партнеров по общему делу, а опасных соперников, сделали из “европейской идеи” безжизненный лозунг.

Одной из ведущих стран, потерпевших от провала общеевропейских проектов, оказалась Россия, которая весьма болезненно восприняла итоги прошедшего в 1878 г. Берлинского конгресса, выставившего российскую политику в качестве чуть ли не главного нарушителя европейского равновесия. Россию боялись (Англия и Германия вообще видели в ней постоянную угрозу своим интересам), ее обвиняли в извечном экспансионизме, словно не Англия и Франция колонизировали полмира. Но до создания единого фронта против России руки уже не дошли: империалистические противоречия между Англией, Францией и Германией настолько обострились, что Европа фактически раскололась на два враждебных блока. Сегодня мало кто акцентирует внимание на том, что в 1898 г. именно “экспансионистская” Россия попыталась дать шанс Европе, выступив с инициативой созыва первой международной конференции по ограничению вооружений. Внося проект созыва конференции, российское правительство заявило, что “положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья – таков ныне высший долг для всех государств”¹⁷. Как знать, как бы сложилась судьба Европы, если бы руководящие круги европейских держав использовали первоначальный замысел Первой конференции мира 1899 г. в Гааге для предотвращения надвигавшейся всемирной катастрофы.

Первая мировая война и ее трагические последствия привели в ужас расписавшихся в своей беспомощности европейских политиков, посеяв пессимизм и разочарование. Октябрьская революция 1917 г. в России, вызвавшая иностранную интервенцию, и бойкот со стороны Запада лишь усилили разброд и шатания в Европе. Осознав реальность пророчеств о “закате Европы”, европейские политики стали искать пути выхода из сложившейся ситуации, ностальгически обращаясь к прошлым общеевропейским теориям и проектам. В 1923 г. вышла в свет наделавшая много шума книга австрийского общественного деятеля Р. Куденхова-Каллерги “Пан-Европа”, за которой последовало его обращение к французским парламентариям с предложениями об объединении Европы. Главная идея автора состояла в том, чтобы объединить Европу в качестве самостоятельного политического и экономического центра перед лицом трех противостоящих сил – СССР, Великобритании и США, хотя австриец и признавал необходимость выстраивания отношений с Россией в целях возрождения Европы.

Французская дипломатия ухватилась за предложения Куденхова-Каллерги, увидев в них возможность через общеевропейский проект вернуть утрачиваемые Францией позиции. В 1929 г., выступая в Лиге наций, французский министр иностранных дел А. Бриан заявил, что между народами Европы “должны существовать некие федеративные связи”, что дало бы им возможность “обсуждать свои интересы, принимать общие решения, установить между собой дух солидарности”¹⁸. В развитие этого выступления МИД Франции разработал и разослал европейским правительствам официальный меморандум, в его основе лежала идея полной независимости и суверенности всех участников предлагаемого Федеративного союза. Однако европейские страны, и прежде всего Англия, расценившая “план Бриана” как покушение на свое растущее влияние в Европе, отвергли французскую инициативу. Советский Союз, который согласно плану отключался от участия в европейских делах, также отрицательно отнесся к “бриановской Европе”, усмотрев в ней попытку создать группировку государств, направленную в первую очередь против СССР.

¹⁷ Правительственное сообщение и циркуляр 12(24) августа 1898 г. – *Рыбачёнок И.С.* Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., 2005, с. 289.

¹⁸ Цит. по: *Чубарьян А.О.* XX век: взгляд историка. М., 2009, с. 140.

На позицию Советского Союза в отношении объединения Европы существенное воздействие оказывала марксистско-ленинская идеология, в частности оценки В.И. Ленина в его статье “О лозунге Соединенных Штатов Европы”. В этой работе, вышедшей в 1915 г., Ленин утверждал, что с точки зрения экономических условий, характеризовавшихся вывозом капитала и разделом мира “передовыми” и “цивилизованными” колониальными державами, Соединенные Штаты Европы при капитализме “либо невозможны, либо реакционны”, поскольку одной из целей соглашения европейских капиталистов является “сообща давить социализм в Европе”¹⁹. Приход к власти в Германии нацистов с их жесткой антисоветской риторикой и планами господства в Европе побудили советское руководство усилить внимание к вопросам обеспечения стабильности в Европе через сближение с Францией и ее союзниками, через проведение политики коллективной безопасности. В декабре 1933 г. было принято решение Политбюро, которое предусматривало возможность вступления СССР в Лигу наций и заключения регионального соглашения о взаимной защите от агрессии со стороны Германии (Восточного пакта). При этом оговаривалось, что “СССР согласен на участие в этом соглашении Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии или некоторых из этих стран, но с обязательным участием Франции и Польши”²⁰. В течение 1934–1935 гг. советская дипломатия активно прорабатывала вопросы, связанные с возможностью заключения Восточного пакта. Одновременно были предприняты попытки к улучшению отношений с Англией в надежде привлечь ее к реализации идеи коллективной безопасности. Но в Лондоне отдавали предпочтение “западной безопасности” и все чаще склонялись к мысли о соглашении с Германией и предоставлении ей свободы действий на Востоке.

Неудача линии на создание системы коллективной безопасности в Европе стала очевидной в связи с подписанием в 1938 г. Мюнхенского соглашения, фактически отдавшего Чехословакию на откуп Гитлеру. Политика премьер-министра Англии Н. Чемберлена (1937–1940 гг.), по мнению полномочного представителя СССР в Великобритании И.М. Майского, была направлена на «отказ от Лиги наций и принципа коллективной безопасности (конечно, не в прямой, а в косвенной форме) и более или менее откровенное возвращение к традиционной английской “политике равновесия”». Майский довольно точно указал на одну из весомых причин, воспрепятствовавших заключению тройственного союза (СССР, Англия, Франция) против Германии в августе 1939 г. По его словам, среди субъективных факторов присутствовали, с одной стороны, ненависть английских руководителей к “советскому коммунизму”, с другой – “вековые традиции прошлого, новейший опыт советского периода, идеологические навыки”, которые объединились в глазах советского руководства, чтобы пропитать отношения к правившей в Англии верхушке “ядом вполне законных подозрительности и недоверия”²¹. Советско-германский договор о ненападении и начало Второй мировой войны поставили крест на планах и проектах объединения европейцев в целях предотвращения военного конфликта в Европе.

Унизительно быстрый захват гитлеровской Германией большей части Западной Европы, ее нападение на Советский Союз, создание антигитлеровской коалиции породили предпосылки для оживления “европейской идеи”. Несмотря на унаследованное от межвоенного периода настороженное отношение Сталина и его соратников к созданию в Европе федераций, многосторонних союзов или блоков, советское руководство не исключало такой возможности после окончания войны при условии отсутствия с их стороны угрозы безопасности СССР. Об этом было сказано министру иностранных дел Великобритании А. Идену в ходе его переговоров в Москве с И.В. Сталиным и

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., 5-е изд., т.26. с. 350.

²⁰ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002, в 3-х т. Т. 2. 1917–2002 гг. М., 2002, с. 180.

²¹ Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943. Кн. 1. 1934 – 3 сентября 1939. М., 2006, с. 220; 434.

В.М. Молотовым в декабре 1941 г. В переданном английской стороне проекте дополнительного протокола к Договору между СССР и Великобританией о послевоенной безопасности признавалось “необходимым создание Европейского Совета, как международной организации, в распоряжении которой в качестве орудия сохранения мира в Европе должно находиться определенное количество войск”²².

Однако англичан не прельщала перспектива оказаться на равных с другими европейцами, поскольку, по их убеждению, Англия являлась независимым центром силы, способным наряду с США и СССР играть самостоятельную роль на международной арене. Тем не менее английская дипломатия, верная своей тактике XVIII–XIX вв., предпочитала не давать публичных оценок объединению Европы. Более того, в известной речи в Цюрихе в сентябре 1946 г. У. Черчилль заявил о необходимости приступить под эгидой ООН к “воссозданию европейской семьи народов” в виде Соединенных Штатов Европы во главе с Советом Европы. Правда, он оговорился, что ведущую роль в этой “неотложной работе” должны играть сообща Франция и Германия, а Великобритания, Америка и Россия станут “партнерами и поручителями в строительстве новой Европы”²³.

В то же время события, последовавшие за окончанием войны, развивались явно не в пользу реализации идеи общей Европы. После Берлинской (Потсдамской) конференции 1945 г., на которой обозначились серьезные разногласия между союзниками, пошли под откос советско-американские отношения. В США антигитлеровскую коалицию все чаще стали называть “странным союзом”, а в администрации президента Г. Трумэна заговорили о том, что Америка устала “нянчиться с Советами” и идти с русскими на компромиссы. И.В. Сталин, отбросив союзническую риторику, взял курс на укрепление в Восточной Европе зоны советского влияния против новой угрозы с Запада и воскресил тезисы о капитализме как источнике войны. В условиях усиления международных позиций Советского Союза вылезли наружу исторические страхи перед Россией со стороны западноевропейцев, приветствовавших американскую политику сдерживания СССР. Формула “Европа – это пространство от Атлантики до Урала”, выдвинутая в 1946 г. генералом де Голлем, вышедшим после войны в СССР противoves политике США и Великобритании, имела на континенте мало сторонников. Вдохновитель “плана Шумана” (выдвинутое в 1950 г. предложение министра иностранных дел Франции Р. Шумана, приведшее к созданию Европейского объединения угля и стали) французский политический и общественный деятель Ж. Монне призывал “не предаваться архаическим и утопическим мечтам о единой Европе от Атлантики до Урала” и заявлял, что только перед лицом объединившегося Запада русские “согласятся решать с нами глобальные проблемы”²⁴. Антисоветизм превратился в один из основных двигателей западноевропейской интеграции.

Локомотивом же объединения стало франко-германское сближение. Главная заслуга в этом, безусловно, принадлежала де Голлю, который долгое время полагал, что Франция должна была любыми средствами, в том числе и путем сближения с СССР, обеспечить свою безопасность от возрождения германской угрозы. Однако жесткая антизападная политика СССР и недооценка Сталиным влияния ослабленной Франции на дела Европы привели де Голля к мнению о существовании опасности со стороны коммунистической России, опасности, которую отныне следовало расценивать как долговременную. Де Голль пришел к выводу о необходимости руководствоваться принципом “двойной безопасности” – безопасности от Германии благодаря ее разделению на два государства и безопасности от СССР благодаря включению Западной Германии в евроатлантические структуры. Возвратившись к власти во Франции в 1958 г., Ш. де Голль первым делом встретился с канцлером ФРГ К. Аденауэром и “простил” Германию за страдания, которые она причинила французскому народу в 1870, 1914

²² *Ржевский О.А.* Война и дипломатия: документы, комментарии (1941–1942). М., 1997, с. 28.

²³ *Черчилль У.* Мускулы мира. Сб. речей. М., 2002, с. 503.

²⁴ *Монне Ж.* Реальность и политика. Мемуары. М., 2001, с. 568, 491–492.

и 1940 гг. В личной беседе с Аденауэром в сентябре 1958 г. французский президент заявил, что по сравнению с прошлым отношения между двумя странами коренным образом изменились, поскольку нынешняя Германия “побеждена, расчленена и влачит жалкое международное существование”. По словам де Голля, хотя французский народ и не забудет прежних злодеяний своего зарейнского соседа, ради общей Европы стоит попытаться “опрокинуть ход истории, примирить оба народа и объединить их усилия и способности”²⁵. Новый характер франко-германских отношений во многом предопределил позитивное развитие западноевропейской интеграции, приведшее к созданию Европейского союза.

У Советского Союза имелись серьезные основания полагать, что создание различных организаций в Европе было направлено в первую очередь против СССР. В марте 1947 г. американская дипломатия провозгласила “доктрину Трумэна”, открывавшую эпоху глобального противостояния “демократии с тоталитаризмом”, а в июне того же года госсекретарь США Дж. Маршалл выдвинул план “восстановления и развития” послевоенной Европы, который быстро превратился в экономическое оружие США в борьбе за Европу против СССР. Но особое беспокойство в Москве вызвали создание Североатлантического альянса и линия американцев на включение в него Западной Германии (ФРГ стала членом НАТО в 1955 г.), что было воспринято советским руководством как формирование военно-политического антисоветского блока. Не внушали оптимизма и заявления натовских руководителей о целях альянса, в том числе известное изречение первого генерального секретаря НАТО, британского генерала Г. Исмея, – “американцев нужно держать в Европе, немцев – в узде, русских – вне Европы”²⁶. Лозунг Соединенных Штатов Европы виделся в Москве как призыв к ликвидации зоны советского влияния в Центральной и Восточной Европе, как намеренная политика, направленная на изоляцию Советского Союза.

После смерти Сталина на протяжении некоторого времени существовала пусть минимальная, но все-таки возможность покончить с “холодной войной”. На сессии совещания министров иностранных дел (СССР, США, Англии и Франции) в Берлине в январе-феврале 1954 г. советская сторона, имея в виду мирное объединение двух Германий, выдвинула предложение о заключении общеевропейского договора о коллективной безопасности, способного, по ее мнению, положить конец “образованию в Европе противопоставленных друг другу военных группировок государств”, которые неизбежно ведут “к усилению вражды и недоверия между ними... и сопровождается гонкой вооружений со всеми вытекающими отсюда последствиями для народов”²⁷. Западные страны, обладавшие совместным инструментом (НАТО) для противодействия СССР, отвергли советскую инициативу. Госсекретарь США Дж.Ф. Даллес публично назвал это предложение “нелепым”, поскольку оно-де отражает намерение СССР создать контролируемую коммунистами Германию и контролируруемую СССР Европу, из которой США были бы полностью удалены²⁸. Несмотря на такую позицию западных стран, советское правительство в конце марта 1954 г. заявило, что в случае утраты НАТО своего агрессивного характера оно было бы готово рассмотреть вопрос об участии СССР в Североатлантическом договоре. Однако реакция и на это советское предложение была предсказуемо негативной: по мнению членов НАТО, участие СССР было бы несовместимым с целями организации. После того как в октябре 1954 г. западноевропейскими

²⁵ Голль Ш. де. Мемуары надежд. 1958-1962. М., 2000, с. 161–162.

²⁶ До последнего времени эта формула неоднократно приводилась в выступлениях руководителей НАТО. Не стал исключением и бывший генсек организации Д. Робертсон, который, правда, уже в 2010 г. ратовал за возможность членства России в НАТО. См. *Lord Robertson. NATO and the Transatlantic Community: The “Continuous Creation”*. – *Journal of Transatlantic Studies*, 2003, v. 1, i. 1, p. 5.

²⁷ Очерки истории Министерства иностранных дел России, с. 351.

²⁸ Робертс Дж. Шанс для мира? Советская кампания в пользу завершения “холодной войны”. 1953–1955 годы. – *Новая и новейшая история*, 2008, № 6, с. 52.

странами был дан “зеленый свет” ремилитаризации ФРГ и ее включению в НАТО, советская дипломатия убедилась в тщетности своих общеевропейских устремлений и пошла на формирование просоветского блока – Организации Варшавского Договора.

Краткий период надежд на “выздоровление” Европы миновал: американские и западноевропейские политики не видели общую Европу с СССР; в Москве же возобладали антизападные настроения. Советский лидер Н.С. Хрущев стал публично высказываться в том плане, что Запад никогда не дождется от Москвы “идеологического разоружения” и отказа от борьбы за победу коммунизма. В то же время к началу 60-х годов советская дипломатия начала поиски новых подходов к вопросам европейской безопасности. В МИД СССР росло понимание необходимости более осторожного и взвешенного проведения внешней политики, особенно на германском направлении. Пробивало себе дорогу мнение о том, что созданное в 1957 г. Европейское экономическое сообщество (Общий рынок) превратилось в экономическую и политическую реальность на континенте, с которой необходимо было считаться. События в Венгрии в 1956 г., появившиеся трещины в отношениях КПСС с европейскими коммунистическими партиями, ухудшение советско-китайских отношений привели к тому, что в своей практической деятельности советская дипломатия начала отдавать предпочтение линии на отстаивание государственных интересов СССР. Серьезное воздействие на содержание дипломатических усилий Советского Союза оказал и драматический эпизод в советско-американских отношениях в связи с Карибским кризисом 1962 г., обозначившим реальную опасность всеобщей ядерной катастрофы.

Карибский кризис отрезвил участников двух противостоящих блоков и побудил их к проведению более разумной линии по отношению друг к другу. Важное “успокоительное” значение имели установившийся стратегический паритет между СССР и США, а также впечатляющее проявление мощи Советского Союза в результате его успехов в освоении космоса. Определенную долю реализма в поведении США и СССР на мировой арене внесли и чувствительные удары по их международному авторитету, нанесенные провалами американцев в войне во Вьетнаме (1965–1973 гг.) и непродуманными действиями советского руководства в Чехословакии в 1968 г. Особенно ошутимые перемены наметились в Европе: визит генерала де Голля в СССР в 1966 г. дал импульс советско-французскому сближению; Московский договор 1970 г. между СССР и ФРГ выразил стремление сторон содействовать нормализации обстановки в Европе и обязывал их “неукоснительно соблюдать территориальную целостность всех государств в Европе в их нынешних границах”²⁹; подписание в 1971 г. четырехстороннего (СССР, США, Великобритания, Франция) соглашения по Западному Берлину дало возможность урегулировать на значительный период один из главных узлов противоречий “холодной войны”. Однако главным достижением “сезона разрядки” стала реализация выдвинутой советской дипломатией в 1966 г. (после зондажа с французами) идеи созыва общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Хельсинкский Заключительный акт совещания (его подписали 33 европейские страны, США и Канада 1 августа 1975 г.) заложил основы для уникального в европейской истории процесса – возможности для решения проблем безопасности континента на внеблоковом принципе с привлечением всех европейских государств путем использования дипломатических методов урегулирования разногласий и конфликтов. Однако дело преодоления раскола в Европе сразу же пошло не по намеченному сценарию, виной чему стало прежде всего ухудшение советско-американских отношений. Г. Киссинджер признавал, насколько трудно было американцам поставить подпись под Заключительным актом, что дало повод многим американским политикам обвинить президента Дж. Форда в “историческом предательстве”. При этом Киссинджер не скрывал, что, как только “геополитическая угроза” исчезла, Америка в одностороннем порядке “была вынуждена” совершенно по-новому рассмотреть, “в чем заключаются ее наци-

²⁹ Внешняя политика Советского Союза. 1970. Сб. документов. М., 1971, с. 131–135.

ональные интересы”³⁰. Со своей стороны советское руководство увидело в хельсинкском процессе в первую очередь способ консервации существовавшей политической системы в СССР и странах социалистического содружества. Ввод же советских войск в Афганистан в 1979 г. обострил отношения Советского Союза с западными странами, вызвал падение его авторитета в “третьем мире”, способствовал существенной утрате привлекательности советской модели.

В условиях дальнейшего ухудшения ситуации внутри СССР М.С. Горбачев провозгласил курс на “перестройку” экономической и социальной жизни страны, на изменения ее внешней политики. Новый подход к международным отношениям базировался не на балансе сил, а на балансе интересов; ядром нового мышления в области внешней политики стало признание приоритета общечеловеческих ценностей. Выражением такой линии на европейском направлении явилось выдвижение Горбачевым идеи “европейского общего дома”. На заседании Политбюро ЦК КПСС в марте 1987 г. он заявил, что “без такого партнера, как Западная Европа, нам не обойтись”, поскольку ни один вопрос нельзя решить без учета Европы, включая внутренние проблемы, для решения которых страна нуждается в использовании научно-технического потенциала западно-европейских стран. Горбачев настойчиво продвигал идею “общеевропейского дома” не только в беседах с лидерами Западной Европы и США, но и в своих публичных заявлениях. Так, выступая в июле 1989 г. на Парламентской ассамблее Совета Европы, советский руководитель отметил, что нельзя довольствоваться простой констатацией общности судьбы и взаимозависимости европейских государств: «пора сдавать в архив постулаты “холодной войны”», когда Европу рассматривали как арену конфронтации, расчлененную на “сферы влияния” и чьи-то “предполюя”. По его словам, философия концепции “общеевропейского дома” исключает “самую возможность применения силы или угрозы силы и, прежде всего, военной”; она предлагает “доктрину сдержанности на смену доктрине сдерживания”³¹.

Имевшие положительный заряд европейские инициативы Горбачева были в основном расценены на Западе как показатель падения могущества и влияния Советского Союза, как готовность советского руководства ради спасения существовавшего строя идти на значительные уступки. Дипломатия западных стран, в первую очередь США и ФРГ, умело воспользовалась слабостью советских властей, добиваясь прежде всего выгодного для себя решения вопроса об объединении Германии и ее членства в НАТО. В пользу Запада играло и положение в европейских социалистических странах, где партийно-государственное руководство, лишившись безоговорочной военно-политической поддержки СССР, стремительно теряло бразды правления, что в конце концов привело к роспуску ОВД. Дабы “подсластить пилюлю” Горбачеву и его соратникам западные политики обставляли неуклонное продвижение своих интересов благими декларациями о том, что объединение Германии не приведет к распространению НАТО на Восток. Примаков вспоминал, что в бытность его министром иностранных дел России он затребовал из мидовских архивов соответствующие записи бесед, которые представили довольно красноречивую картину: Дж. Бейкер (США), Г. Коль (ФРГ), Дж. Мейджор и Д. Хэрд (Великобритания), Ф. Миттеран (Франция) в 1990-1991 гг. заверяли руководителей СССР, что у них на уме нет идеи расширения НАТО. Однако вопреки обещанному в последующем натовские страны кардинально поменяли свою позицию. Приводившуюся в 90-х годах аргументацию в пользу расширения НАТО Примаков назвал не иначе как “элементарной мистификацией”³².

После распада СССР государства Западной Европы отбросили ставшие ненужными осторожность и мягкость в отношении ослабленной России, разделив с США “синдром

³⁰ Киссинджер Г. Указ. соч., с. 692–693.

³¹ Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам. М., 2010, с. 328, 338–339.

³² Примаков Е.М. Минное поле политики. М., 2006, с. 167–169.

победителя” в “холодной войне”. Несмотря на принятие Парижской хартии для новой Европы (результат встречи на высшем уровне государств–участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в ноябре 1990 г.), в которой содержались и приверженность принципам хельсинкского Заключительного акта, и положение о том, что “безопасность неделима и безопасность одного государства-участника неразрывно связана с безопасностью всех остальных”³³, западные страны сделали ставку на то, чтобы превратить ОБСЕ в односторонний механизм вмешательства во внутренние дела других государств, главным образом на постсоветском пространстве. Используя ориентацию Б.Н. Ельцина и его окружения на преимущественное развитие отношений с США и Западной Европой, а также обращения России к ОБСЕ с призывами активно подключиться к урегулированию конфликтов в Грузии, Молдавии и вокруг Нагорного Карабаха, западная дипломатия сделала из общеевропейской организации фактически “контролера” за внутренними процессами во вновь образовавшихся странах.

Стремление государств Центральной и Восточной Европы как можно скорее сбросить груз советской эпохи и войти в “цивилизованный мир” облегчило задачу США и их союзников по реализации планов продвижения НАТО на Восток с целью создания “санитарного кордона” в новой редакции против “непредсказуемой” России. С мнением же самой России было решено не считаться, особенно после заявления Б.Н. Ельцина польскому президенту Л. Валенсе летом 1993 г. о том, что вопрос о вступлении его страны в НАТО находится в компетенции Польши, а не России³⁴. Учитывали в Вашингтоне и то обстоятельство, что тогдашний российский министр иностранных дел А.В. Козырев являлся сторонником вхождения России в НАТО или, на худой конец, создания вместе с альянсом иной общеевропейской структуры безопасности, хотя формально и возражал против “расширения НАТО без участия России”³⁵.

В результате коренных геополитических перемен в мире и Европе произошла деформация конструкции европейской безопасности, приведшая к рецидиву застарелой политики “отторжения России”. После того, как в 1996 г. МИД России возглавил Примаков, российская дипломатия, понимая, что расширение НАТО предотвратить не удастся, попыталась минимизировать негативные для страны последствия этого процесса. В мае 1997 г. в Париже был подписан основополагающий акт Россия - НАТО, в котором торжественно провозглашалось, что Россия и НАТО “не рассматривают друг друга как противников”. Акт фиксировал договоренность, согласно которой альянс брал на себя обязательство о размещении на территории новых членов НАТО “существенных боевых сил”³⁶. Однако не прошло и нескольких лет, как Вашингтон объявил о размещении на территории Болгарии и Румынии по 5 тыс. своих военнослужащих. Перед подписанием Акта американским высокопоставленным лицам прямо заявлялось, что прием в НАТО бывших советских республик будет означать для России переход “красной черты”. Несмотря на соответствующие заверения, это произошло (страны Балтии), более того, возник вопрос о приеме в альянс Грузии и Украины.

Зато на Стамбульском саммите ОБСЕ в ноябре 1999 г. под прикрытием принятия Хартии европейской безопасности и малозначащих уступок по вопросу о положении в Чечне западная дипломатия добилась от России международных обязательств по выводу российских вооруженных сил и вооружения из Грузии и Молдавии. Показательной стала и стратегическая концепция НАТО, принятая в апреле 1999 г. под грохот натовских бомбардировок в Югославии. Несмотря на казавшееся отсутствие существенных

³³ Хартия для новой Европы. Париж, 21 ноября 1990. – Правда, 22.XI.1990.

³⁴ В “Записках президента”, вышедших в 1994 г., Ельцин обошел молчанием этот факт. Однако данное высказывание российского президента сразу же подхватили на Западе, что счел необходимым отметить Примаков: *Примаков Е. М.* Минное поле политики, с. 164.

³⁵ *Козырев А. В.* Преображение. М., 1994, с. 199.

³⁶ Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора. 27 мая 1997. – Российская газета, 28.V.1997.

расхождений с аналогичной концепцией 1991 г., она содержала три принципиальных отличия: цели альянса по защите свободы и безопасности всех его членов определялись без упоминания принципов Устава ООН; в перечень источников угроз, затрагивающих интересы альянса, добавилось “резкое обострение внутривнутриполитической обстановки в государствах вследствие провала социально-экономических реформ” и, наконец, появилось положение о том, что “НАТО остается открытой организацией для вступления новых членов”³⁷. Все это в совокупности создавало впечатление, что в условиях продолжавшегося глубокого внутреннего кризиса в России Запад спешил “застолбить” как можно больше преимущественных “полян”, пока Россия не оправится и не вернется к политике твердого отстаивания национальных интересов.

Испытанный Соединенными Штатами политический и эмоциональный шок в результате трагических событий 11 сентября 2001 г. давал, казалось бы, возможность вступить на путь коллективных усилий по укреплению международной безопасности. Президент России В.В. Путин несмотря на сомнения значительной части российских политических кругов пошел на демонстрацию поддержки США в надежде на их встречные позитивные шаги в отношении России. Путин принял решение помочь Соединенным Штатам в Афганистане, дав “зеленый свет” размещению американских воинских подразделений и военной авиации в Киргизии, Таджикистане и Узбекистане и предоставив российскую военную помощь афганскому “Северному Альянсу” в борьбе против движения “Талибан”. Неоднозначной оценке в России подверглось и решение президента об уходе со стратегически важных военных баз в Лурдесе (Куба) и бухте Камрань (Вьетнам). Российская дипломатия попыталась выправить отношения с НАТО, которые были заморожены после вооруженных действий альянса против Югославии. Саммит Россия – НАТО в Риме в мае 2002 г. ознаменовался созданием Совета Россия – НАТО, призванного служить инструментом для консультаций, выработки консенсуса, сотрудничества, совместных решений и совместных действий по широкому спектру вопросов безопасности в евроатлантическом регионе³⁸. Однако с момента своего образования Совет во многом носил декоративный характер и не обеспечивал России реального влияния на деятельность НАТО.

Надежды российского руководства на поступательный процесс сближения с Западом натолкнулись на его неприятие со стороны Вашингтона, который во многом использовал “американскую трагедию” для усиления гегемонистских начал своей внешней политики. Администрация Дж. Буша возвела в абсолют линию на подмену международного права правом сильного, отводя ООН роль “бюро для консультаций”, начала перестраивать натовскую стратегию с прицелом на использование вооруженных сил за пределами входящих в НАТО стран. Ответом на действия России явились выход США из Договора по противоракетной обороне, война в Ираке, активная поддержка рядом ведущих государств Запады “цветных революций” в Грузии и на Украине, обнародованные планы ускоренного втягивания Киева и Тбилиси в НАТО, обвинения России в “энергетическом шантаже”. В известной мюнхенской речи в феврале 2007 г. В.В. Путин назвал США главным проектировщиком сложившейся мировой архитектуры, для которой характерны гипертрофированное применение силы и все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права (он указал, в частности, на недопустимость попыток подменить ООН ни евроатлантическим альянсом, ни Евросоюзом). Путин задал прямой вопрос: против кого направлен процесс расширения НАТО, включая планы по развертыванию элементов ПРО, не имеющий “никакого отношения к обеспечению безопасности в Европе”, и какова роль ОБСЕ, которую пытаются превратить в “вульгарный инструмент” обеспечения интересов одних в отношении других и вмешательства во внутренние дела ее членов³⁹.

³⁷ The Alliance’s Strategic Concept. Approved by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Council in Washington (D.C.) on 23rd and 24th April 1999.

³⁸ Очерки истории Министерства иностранных дел России, с. 557–558.

³⁹ Выступление президента России В.В. Путина на Конференции по вопросам политики и безопасности. Мюнхен, 10 февраля 2007. – Российская газета, 12.И.2007.

Своего пика проявления глубокого недоверия в отношениях между Россией и Западом достигли в августе 2008 г., когда Грузия, уверовавшая в безоговорочную поддержку своей антироссийской линии со стороны Вашингтона и Евросоюза, предприняла агрессивную акцию против Южной Осетии. Ответные действия России вызвали шквал враждебной риторики в западных столицах, обвинивших Москву в возрождении “имперской политики” и мышления в духе “холодной войны”. В российском руководстве увидели в кавказском кризисе подтверждение своих заявлений о том, что за последние 20 лет европейская безопасность серьезно расшаталась по всем параметрам и нуждается в срочном “ремонте”. Особый упор российская дипломатия сделала на продвижении выдвинутой президентом Д.А. Медведевым за два месяца до августа 2008 г. идеи о заключении юридически обязывающего договора о европейской безопасности. Однако данная инициатива, несмотря на снижение уровня критики в адрес России в связи с провозглашенной администрацией Б. Обамы политикой “перезагрузки”, не встретила сколько-нибудь внятного позитивного отклика у западных стран. Более того, вице-президент США Дж. Байден в мае 2010 г. довольно ясно высказал мнение американской стороны на этот счет: Европе не нужны новые договоры и институты, поскольку Америка будет стремиться к созданию более безопасной Европы с учетом “меняющегося характера стоящих перед нами угроз, соблюдая при этом основные принципы действующих институтов, таких как НАТО и Евросоюз”⁴⁰. Именно с НАТО-центристских позиций Байден вел переговоры в Москве в марте 2011 г.

В 2010 г. во внешней политике России наметился очередной разворот, связанный с попытками установления новых “правил игры” в отношениях с Западом, которые позволили бы заручиться гарантиями соблюдения интересов собственной безопасности и за счет сближения с США и Евросоюзом обеспечить курсу на модернизацию страны приток западного капитала, технологий, специалистов и т.д. Существенному пересмотру подверглась позиция в отношении НАТО: в заявлении Медведева по итогам заседания Совета Россия – НАТО в Лиссабоне в ноябре 2010 г. говорилось, что, хотя сейчас российское руководство не видит условий для присоединения России к альянсу, по мере изменений в НАТО, способных привести к более тесному российско-натовскому сотрудничеству, может возникнуть ситуация, при которой не станет “никаких закрытых тем”⁴¹.

Между тем, делая реверансы в сторону России, западные лидеры, судя по их высказываниям, преследуют отличные от российских устремлений цели. В ходе встречи Д.А. Медведева с Н. Саркози и канцлером Германии А. Меркель в Довиле (Франция, октябрь 2010 г.) французский руководитель, обходя вопрос о европейской безопасности, охотно рассуждал о тех областях, которые могут служить объединяющим фактором в отношениях между Евросоюзом и Россией, – это богатые природные ресурсы России, применение санкций против Ирана и поиски способов урегулирования израильско-палестинского конфликта. В Лиссабоне же Вашингтон и его союзники сделали акцент на Афганистане, придав реализации российско-натовского взаимодействия в этой стране характер главного направления сотрудничества НАТО с Россией. При этом их нисколько не смущал тот факт, что своим “напором” на афганском направлении они поставили Россию в весьма щекотливое положение как активного члена Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Заявления российской стороны о том, что сама объективная реальность создает условия для партнерства России и НАТО, которое не направлено против кого-либо, не смогли успокоить остальных крупных игроков на международной арене. Выбор таких сфер сотрудничества, как Афганистан, Иран, Ближний Восток, дополненный

⁴⁰ *Biden J.R. Advancing Europe's Security. – The New York Times, 6.V.2010.*

⁴¹ Пресс-конференция президента России Д.А. Медведева по итогам заседания Совета Россия – НАТО. Лиссабон, 20 ноября 2010. – Сайт “Президент России/События”, 20.XI.2010.

углубленным диалогом относительно участия России в европейской системе ПРО (естественно, для защиты от угрозы с востока и юга), создал в мусульманском мире устойчивое впечатление о втягивании России в антиисламскую стратегию Запада. Забеспокоились Индия и, особенно, Китай, которые увидели в сближении России и НАТО плохо скрываемое стремление западных стран привлечь Россию к усмирению “восставшей Азии”. На симпозиуме “Регулирование внутреннего и внешнего курсов России: перспективы и контрмеры”, организованном Центром по изучению России и Центром по исследованию Евразии при Шанхайской академии общественных наук в октябре 2010 г., китайская сторона устами ученых попыталась предостеречь руководство России от поспешных шагов по отношению к Западу. Участники симпозиума подчеркнули, что нынешняя политика, возможно, окончится тем, что “Россия встанет в очередной раз на одни и те же грабли”, имея в виду, что ориентированный на Запад внешнеполитический курс, проводимый в первые годы правления Горбачевым, Ельциным и Путиным, привел «к развалу СССР, финансовому кризису 1998 г. и “цветным революциям”»⁴².

Внутри России также отсутствует единодушие по поводу новой внешнеполитической линии российского руководства. Широкое хождение получила, в частности, точка зрения, согласно которой власти страны, соглашаясь с возможностью вступления России в НАТО, тем самым поощряют курс США на превращение альянса в опору мировой системы безопасности и фактически ставят крест на инициативе Медведева о выстраивании новой архитектуры европейской безопасности.

РОССИЯ И ЕВРОПА: НЕСОВМЕСТИМОСТЬ ЦЕННОСТЕЙ?

Этот вопрос имеет самое непосредственное отношение к нынешним проблемам создания системы европейской безопасности. В Европейской стратегии безопасности, одобренной Европейским Советом в декабре 2003 г., перспектива налаживания более близких отношений с Россией тесно увязывается с “уважением к общим ценностям”⁴³. Во время кавказского кризиса в 2008 г. один из главных пунктов антироссийской кампании на Западе состоял в обвинении России в неуважении ценностей демократии, прав человека и правовых норм (хотя, строго говоря, подобные обвинения западные страны должны были выдвинуть против самих себя после бомбардировок Югославии). Вместе с тем всплески крайне негативного отношения к России со стороны Запада имеют более глубокие корни, и их происхождение прослеживается с момента превращения России в XVIII в. в неотъемлемый элемент европейского равновесия.

Еще шведский король Карл XII, не говоря о Наполеоне, оправдывал свой поход против России цивилизационными мерками, презрительно отзываясь о ней как о каком-то темном и забытом Богом месте на окраине Европы. В XIX в. западноевропейская дипломатия, прежде всего английская и французская, прочно внедрила в перечень оправдательных аргументов своей политики в отношении России представление о ней как о “варварской стране”, чуждой европейским стандартам и противостоящей цивилизации Европы. Большим успехом в европейских столицах пользовалась изданная в 1843 г. книга французского путешественника и литератора маркиза де Кюстина “Николаевская Россия”. При этом, как считает секретарь Французской академии Э. Каррер-д’Анкосс, суждения де Кюстина о России имели немалое воздействие на умы даже в момент исчезновения коммунизма и страстного стремления России в Европу и “еще надолго сохранят свое влияние на взгляды западного мира на новую Россию”⁴⁴.

⁴² Россия вступила в “период стратегических возможностей”? – Жэньминь жибао он-лайн, 22.X.2010.

⁴³ A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy. Brussels, 12 December 2003. Например, см. *Bailes A. The European Security Strategy: An Evolutionary History.* – SIPRI Policy Paper, № 10. Stockholm International Peace Research Institute, February 2005, p. 35.

⁴⁴ *Carrère d’Encauss H. La Russie entre deux monde.* Paris, 2010, p. 15.

Почему же западных политиков по-прежнему притягивает содержание именно этой книги, несмотря на то, что до и после маркиза де Кюстина Россию посещали и писали о ней многочисленные европейские дипломаты, купцы и деятели искусства. Красной нитью через всю книгу, написанную талантливо, хотя и поверхностно, проходит идея о том, что Россия является варварской и азиатской страной и что “Сибирь начинается с Вислы”, т.е. Европа заканчивается в Польше и Россия в нее не входит. Французский аристократ писал, что русские – это “высочки цивилизации”, сохранившие “медвежью шкуру, одетую мехом вниз”, поскольку в основе они оставались “варварами, знакомыми с огнестрельным оружием”. Россия, по его словам, представляет из себя “великана, едва вышедшего из глубин Азии”, мечтающего о мировом господстве и силащегося “навалиться всей своей тяжестью на равновесие европейской политики”⁴⁵.

Крымская война, несмотря на партнерство с Россией по Священному союзу, трактовалась Лондоном как “битва цивилизации против варварства”, словно она и не была затеяна Англией и Францией с целью ослабить “русского медведя” и не позволить ему посягнуть на их вотчину за пределами Черного моря. Цивилизационную окраску политики Западной Европы в отношении России подметил и Горчаков на примере Франции, к которой он относился с неизменной симпатией. Тогдашний глава российской дипломатии с сожалением отмечал, что французское общество было проникнуто предубеждениями против России как представительницы будто бы варварства и темной силы Европы, ее необходимо “задержать в росте и положить предел ее честолюбию”⁴⁶. Заметим, что Берлинский конгресс 1878 г., обозначивший изоляцию России в Европе, усилил позиции “славянофилов”, видевших во всех бедах российского государства результат антирусского заговора.

Обострение межимпериалистических противоречий, приведшее к Первой мировой войне, вновь “вернуло” Россию в Европу. Была подтверждена характерная тенденция – как только европейские державы оказывались перед угрозой серьезных потрясений на континенте (нашествие Наполеона, например), Россию срочно “записывали” в разряд вершителей судеб Европы. Но стоило “грозе” миновать, как Россия опять превращалась в европейского изгоя, который был не достоин звания представителя европейской цивилизации. В ходе Первой мировой войны Россия понесла колоссальные людские и материальные потери и внесла весьма значительный вклад в победу Антанты над Германией. Но как только необходимость в России отпала и она тем более погрузилась в революционный хаос, “все вернулось на круги своя”. Вооруженная интервенция, создание “санитарного кордона”, международная блокада – вот далеко не полный перечень методов силовой политики западных стран в отношении Советской России. Идеологическая оболочка такой политики в виде “борьбы с большевистской заразой” слабо прикрывала ее общую антирусскую направленность. Вторая мировая война показала, что перед лицом вселенского зла идеологические распри моментально отошли на второй план и “большевистский” Советский Союз превратился в фундамент единого фронта против гитлеровской Германии.

В то же время в довоенный период цивилизационное измерение наложило заметный отпечаток на европейскую политику. Западноевропейские страны и США вплоть до захвата Франции в 1940 г. рассматривали Германию частью западного мира и были преисполнены решимостью не допустить “полуазиатскую” Россию в Европу. Особенно усердствовали англичане: в 1937 г. британский министр иностранных дел Э. Галифакс публично восхвалял нацистскую Германию в качестве “бастиона Европы против большевизма”⁴⁷. Даже в ходе своего первого пребывания в Москве в августе 1942 г. Черчилль, недовольный переговорами со Сталиным, раздраженно бросил своему окружению: “Мне говорили, что русские не являются человеческими существами. В шкале

⁴⁵ Кюстин А. Николаевская Россия. М., 1990, с. 106, 182–183, 186, 254.

⁴⁶ Чичерин Г.В. Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова. М., 2009, с. 294.

⁴⁷ Киссинджер Г. Указ. соч., с. 275.

природы они стоят ниже орангутангов”⁴⁸. Впрочем, Сталин, хорошо осведомленный об антисоветском настрое западных политиков, также не жаловал Запад, низко оценивая, в частности, его моральные и волевые качества. Взаимное отчуждение уступило место приверженности высшим идеалам только в результате совместных действий на полях Второй мировой войны.

Когда сегодня развернулась настоящая “историческая война” вокруг вопросов, связанных с характером и итогами этой войны, нельзя не заметить происходящее на Западе смещение акцентов в оценке действий Советского Союза. Если раньше, пусть сквозь зубы, признавалась освободительная миссия советской армии в Европе, то теперь все больший упор делается на том, что Сталин воспользовался “авантюризмом” Гитлера и реализовал “имперские замыслы русских” по захвату стран Центральной и Восточной Европы. Показательным примером такой трактовки явилась изданная в 1996 г. книга видного английского историка Н. Дэвиса “История Европы”, вышедшая, кстати, большим тиражом в России на средства Фонда Сороса. Дэвис изображал нападение гитлеровской Германии на СССР как “крестовый поход нацистов (правда, самозванный) в защиту цивилизации”, а немецких оккупантов не иначе как защитниками Европы от “нашествия с Востока”. Советская армия представлялась в виде “полчищ плохо одетых и плохо вооруженных иванов”, которые словно “азиатские орды” принесли в Европу “грабеж, насилие и официальный террор в устрашающих размерах”⁴⁹. Дело доходит до попыток представить героизм советских людей в годы войны в качестве нонсенса по отношению к европейским жизненным стандартам. Так, французский философ А. Глюксман отмечал, что европейцам трудно понять “животную реакцию простых россиян”, которые, как и при Наполеоне, проявили способность к самопожертвованию для изгнания захватчиков⁵⁰.

После Второй мировой войны боязнь усилившегося Советского Союза и желание отгородиться от него “железным занавесом” явились едва ли не важнейшим стимулом политики западноевропейских лидеров по строительству объединенной Европы, способной противостоять СССР. В выступлении в Фултоне (5 марта 1946 г.) Черчилль без обиняков заявил, что на мир легла “черная тень” в виде коммунизма, возглавляемого Советским Союзом, который подчинил своему влиянию имеющих многовековую историю страны Центральной и Восточной Европы и представляет “растущую угрозу для христианской цивилизации”. Черчилль призвал к единению стран Запада, чтобы своим примером “научить других” уважать принципы ООН, оговорившись, правда, что недопущение новой катастрофы должно было обеспечиваться “не только авторитетом ООН, но и всей мощью США, Великобритании и других англоязычных стран и их союзников”⁵¹. Упомянувшийся Монне, деливший Европу на западную и восточную цивилизации, мотивировал выдвинутые им идеи интеграции Западной Европы тем, что мирное существование между “нашим образом жизни и образом жизни коммунистических стран” стало бы возможным только благодаря сплочению западной цивилизации с обязательным участием США⁵².

В свою очередь Сталин резко реагировал на попытки придать противоборству Запада с Советским Союзом в военно-политической области характер “войны двух миров”, различных якобы по уровню общественного развития, материальной и духовной культуры. Он сравнил, в частности, высказывания Черчилля в Фултоне с расовой теорией Гитлера, утверждая, что в устах британского политика эта теория превратилась в вывод о том, что “нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные должны господствовать над остальными нациями”⁵³.

⁴⁸ Цит. по: *Ржевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004, с. 374.

⁴⁹ *Дэвис Н.* История Европы. М., 2004, с. 752, 765, 771.

⁵⁰ Интервью А. Глюксмана “Новой газете”. – Новая газета, 11.1.2010.

⁵¹ *Черчилль У.* Указ. соч., с. 481–489.

⁵² *Монне Ж.* Указ. соч., с. 568, 587.

⁵³ Ответы И.В. Сталина на вопросы газеты “Правда” о речи Черчилля в Фултоне. – Правда, 14.III.1946.

Эпоха “холодной войны” была отмечена острым соперничеством двух примерно равных по силе и могуществу блоков, сделавшим рассуждения о преимуществе “западной цивилизации” не слишком актуальными. Пропагандистская борьба велась в первую очередь в сфере идеологии. По мере нарастания внутренних проблем в СССР и разброда в социалистическом лагере атака Запада на идейные основы Советского Союза приобретала форму неприятия СССР в качестве государства, препятствующего триумфальному шествию западных ценностей по всему миру. Р. Рейган под антикоммунистическими лозунгами провозгласил крестовый поход против “империи зла”, взяв курс на прямое противоборство с СССР на глобальном и региональном уровнях, на ломку военно-стратегического равновесия.

С окончанием “холодной войны” и начавшейся дезинтеграцией Советского Союза идеология перестала служить прикрытием для проведения политики США по вытеснению с мировой арены главного противника. Дж. Буш-старший ратовал за “распыление” СССР на многие разные государства, “ни одно из которых не обладало бы нагонявшей страх мощью Советского Союза”. Его советник по национальной безопасности Б. Скоукрофт благодарил М.С. Горбачева за уничтожение советской системы, поскольку, по его мнению, если бы советский лидер обладал “сталинского склада политической волей и решительностью его предшественников”, Соединенным Штатам, возможно, до сих пор противостоял “обновленный и помолодевший” Советский Союз, представлявший “серьезную угрозу для стабильности и безопасности Запада”⁵⁴.

Цивилизационный привкус вернулся в отношении России с Западом во многом благодаря Ельцину и его окружению, которые посчитали, что борьбе против “старых устоев” в стране поможет внешнеполитическая ориентация на стратегический союз с бывшими противниками по “холодной войне”. При этом многие, в том числе и министр иностранных дел А.В. Козырев, придерживались мнения, что новая Россия должна любыми средствами добиться сближения с “цивилизованным Западом”, не исключая конфигурацию ведущего и ведомого. В своих рассуждениях о необходимости резкого поворота во внешней политике Ельцин не останавливался перед утверждениями о том, что всю Россию якобы мучил стыд за угрозу, которую представлял Советский Союз “сообществу цивилизованных стран”⁵⁵. В Вашингтоне и столицах западноевропейских государств такая позиция была воспринята как отказ российского руководства от советского прошлого, как признание “нецивилизованности” России. Расписавшемуся в неполноценности собственной страны российскому руководству трудно было ожидать, что к нему на Западе станут относиться как к равноправному партнеру.

В 1994 г. было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Россией и Евросоюзом (вступило в силу в 1997 г.), которое носило характер “учителя” и “ученика”. Ограничившись в преамбуле принятием во внимание “важности исторических связей, существующих между Сообществом и его государствами-членами и Россией и общих для них ценностей”, соглашение ставило осуществление партнерства в зависимость от “продолжения и завершения Россией политических и экономических реформ”⁵⁶. В этом смысле весьма показательным оказался сборник “Является ли Россия европейской державой? Положение России в новой Европе”, выпущенный в 1998 г. Лувенским католическим университетом (Бельгия), в него вошли статьи европейских политических деятелей, дипломатов и ученых⁵⁷. Главная идея сборника сводилась к тому, что до и после Второй мировой войны Советскую Россию в основном воспринимали как “заблудившуюся”, но часть Европы с долей экспансионистских устремлений. После распада СССР в Европе начало превалировать восприятие России в качестве

⁵⁴ Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим. М., 2004, с. 481, 499.

⁵⁵ Ельцин Б.Н. Записки президента. М., 1994, с. 394.

⁵⁶ Agreement on Partnership and Cooperation establishing a partnership between the European Communities and their Member States, of one part, and the Russian Federation, of the other part. Corfu, 24 June, 1994. – Official Journal of the European Communities, 24.XI.1997.

⁵⁷ Is Russia a European power? The position of Russia in a new Europe. Leuven, 1998.

“ученика” с признанием за ней статуса “частично” европейской страны, которую приглашают понаблюдать за процессом европейской интеграции без права решающего голоса. В сборнике утверждалось, что для того, чтобы преодолеть “изоляцию” России от Европы, имеющую глубокие исторические корни, российскому руководству следовало бы “доказать” европейскую ориентацию своей политики и “убедить” европейцев в необходимости принять Россию в Европу.

Декларированный российским руководством в начале XXI в. курс на построение национального государства и проведение независимой внешней политики, реабилитация патриотизма и национальных традиций вызвали у многих политиков на Западе заметное раздражение, вылившееся в обвинения России в возрождении “имперских замашек” и шовинизма. Особенно “впечатлило” западноевропейцев мнение В.В. Путина о том, что развал Советского Союза явился “крупнейшей геополитической катастрофой XX века”. Бывший министр иностранных дел Германии Й. Фишер, в частности, заявил, что большинство европейских стран выступает категорически против пересмотра порядка, установившегося на постсоветском пространстве, считая исчезновение СССР “большой удачей”⁵⁸. Упомянувшееся мюнхенское выступление Путина также вызвало в целом негативную реакцию в США и Западной Европе, где увидели в “ледяной критике” российского президента «намек на новую “холодную войну”». Широко распространилась точка зрения, согласно которой Западу следовало бы сомкнуть свои ряды и готовиться к встрече с новой российской политикой, дабы защитить западные ценности.

В Европе имеется немало количество политических деятелей, которые полагают, что в условиях обострившейся международной конкуренции союз с Россией способен качественно усилить Европу в мировой политике. Есть и более категоричные суждения о том, что “старую” Европу необходимо “спасать” за счет подключения России и вместе строить Европу, основываясь на разных ценностях, но общих целях. Однако, судя по всему, не они определяют преобладающую настрой в европейском истеблишменте. Один из самых авторитетных специалистов по проблематике германо-российских отношений, немецкий политолог А. Рара, в 2007 г. утверждал, что все меньше и меньше европейских политиков придерживаются идеи России внутри Европы. В этом свою роль играют не только укоренившиеся исторические фобии в отношении России, но и антироссийские комплексы, которые принесли с собой в Евросоюз правящие круги бывших стран Варшавского Договора. По словам Рара, для государств Западной Европы определяющее значение имеет вопрос о защите от внешних опасностей западных либеральных ценностей, заменивших собой религию. Главную такую защиту западноевропейские политики видят в США и в расширении и укреплении трансатлантического сообщества, предпочитая отгородиться от России и “вытолкнуть ее в Азию”⁵⁹.

Россия, безусловно, является преимущественно европейской страной, тесно и давно связанной с Европой историей, культурой и обширным переплетением политических и экономических отношений. Как и в остальной Европе, в общественной жизни России, несмотря на разрушительные проявления глобализации, сильно влияние христианских ценностей. На протяжении более 300 лет лучшие умы России не мыслили ее без Европы, завидовали завоеванным демократическим стандартам ведущих стран континента, желали России встать вровень с европейским качеством жизни, служившим ориентиром внутреннего развития. Однако никогда Западная Европа “по зову души” не числила Россию в своих единомышленниках, не подпускала ближе, чем того требовали императивы общеевропейских потрясений. Вот и сегодня, когда рухнул коммунизм и в России установились капиталистические порядки, Западная Европа не спешит с “перегрузкой” отношений с Россией, продолжая нажимать на кнопку “пауза”.

Надо сказать, что нынешняя Россия дает немало поводов для того, чтобы Евросоюз затягивал заключение нового базового соглашения между Россией и ЕС, откладывая на

⁵⁸ *Fischer J.* Worsicht vor Russlands Geopolitik. – *Financial Times Deutschland*, 8.VIII.2010.

⁵⁹ *Pap A.* Регресс взаимопонимания. – *Независимая газета*, 30.I.2007.

неопределенный срок вопрос отмены визового режима. В России наблюдается немалый для подавляющего числа европейцев уровень социального расслоения общества, шокирующая степень коррупции, рост организованной преступности, вышедшей за российские границы. Пока Россия сама не удалит хотя бы эти “язвы”, у европейцев будут сохраняться основания для того, чтобы продолжать представлять Россию “чужаком” в Европе.

* * *

Исторически обоснованное тяготение России к Европе всегда будет сопровождаться стремлением ее дипломатии оказывать как можно более весомое воздействие на европейскую политику. Однако было бы весьма недальновидным формировать будущее России в расчете исключительно на ее встраивание в западную политическую и экономическую конструкцию, оперируя при этом категориями цивилизационных предпочтений и тезисами о неизбежной “восточной угрозе”. Мировой порядок претерпевает коренную трансформацию, очертания которой уже проявляются в рождении новых центров международной политики и углубляющемся американо-китайском соперничестве. Сама Европа переживает конец “эпохи оптимизма” (от падения Берлинской стены до начала финансово-экономического кризиса), выражающийся в серьезных сомнениях по поводу незыблемости достигнутого уровня европейской интеграции и в росте националистических настроений.

В условиях колеблющегося мирового расклада сил у России появляется возможность занять в нем достойную нишу. Многое будет зависеть от того, насколько верно определятся приоритеты государственной политики. История свидетельствует – мощь и авторитет России связаны в первую очередь с успешным решением задач внутреннего развития, а также с проведением национальной внешней политики, опирающейся на стратегические императивы статуса двухконтинентальной державы.